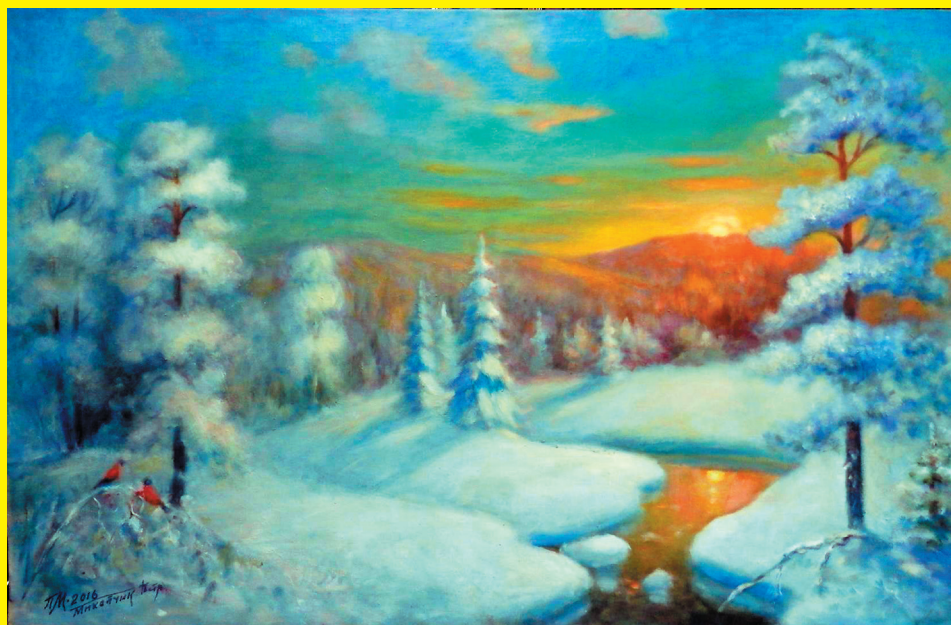

Диткультпривет!

12(62)

Литературно-художественный журнал

Зимний этюд. Худ. Пётр Михейчик

декабрь 2017

Ежемесячный журнальный выпуск Литкультпривет!

Основан 30 октября 2012 г.

п.г.т. Нижний Ингаш

Декабрь №12 (62) 2017 г.

80 лет назад в декабре 1937 года родился Эдуард Николаевич Успенский советский и российский писатель, сценарист, автор многих детских книг. Среди популярных персонажей, придуманных им - Крокодил Гена и Чебурашка, кот Матроскин, Дядя Фёдор, почтальон Печкин, пёс Шарик и другие.

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

Алексей Лавронов

Стихи.....3

Даниил Плахин

“Осколки” Стихи.....6

Николай Ерёмин

Стихи.....10

Сергей Носов

Стихи.....21

Сергей Прохоров

Стихи.....22

ПРОЗА

Анатолий Казаков

Рассказы.....17

ЖИВОПИСЬ

Пётр Михейчик

Зимний этюд. Мужская радость. 1-я и 4-я стр. обложки.

Редактор
Сергей Прохоров

**Алексей
ЛАВРОНОВ**
Ростовская область

Алексей Лавронов 1952 – 2012. Родился на Верхнем Дону (Ростовской обл.). Окончил Ростовский государственный университет, факультет журналистики. Долгие годы был главным редактором донской общественно-политической газеты «НАШ КРАЙ» и руководителем Международного литературного проекта «APIA НА ДОНУ». Член союза журналистов России. Почётный член Международного союза литераторов и журналистов APIA. Награждён высшим знаком Союза журналистов России «За вклад в профессиональное сообщество». Лауреат премии Н. Погодина. Имеет награды от президента Международного союза литераторов и журналистов и президента Всемирной унии искусств за литературную деятельность и большой вклад в развитие Международного союза литераторов и журналистов APIA. Публиковался в России, Англии, Германии, США, Австралии. Основатель большой журналистской династии – в семье А. Лавронова шесть журналистов.

ОТЦОВСКИЙ БАЯН

Как будто хочешь молвить что-то,
И все ж молчание храня,
С улыбкой с фронтового фото
Сквозь годы смотришь на меня.

И писем желтая бумага
Всего не скажет никогда.
Медаль осталась «За отвагу»
И орден «Красная Звезда».

Потом как все мы трудно жили,
Ты верил в правду до конца.
Мы никогда не говорили
О чувствах сына и отца.

Какое мне подскажет средство:
О чем ты думал на войне?
К тому ж не «Жигули» в наследство,
А свой баян оставил мне.

Так что с того, не в этом дело,
Пройдусь по кнопкам не спеша.
И вот уже звучат несмело
Твои в нем песни и душа.

ОДИНОЧЕСТВО

Мне говорила мать: «Держись, сынок,
За доброту, а злость ничто не значит».
Я думаю о тех, кто одинок,
О ком никто не думает, не плачет.

Кому никто не скажет этих слов,
А суета все больше, да морока,
И новый день кому совсем не нов,
А так похож на отбыванье срока.

И ты уже в обилии седин,
И кто скажи за это все в ответе,
Что ты живешь как перст, совсем один,
Совсем один на этом белом свете.

И для тебя цвела любви весна,
И для тебя сияло жизни лето,
Как так случилось, в чем твоя вина,
Не вправе я судить тебя за это.

Пусть настигает дружеская весть,
Будь поутру звонком родных разбужен.
Как хорошо, что кто-то рядом есть,
Какое счастье: ты кому-то нужен.

ЖЕЛТЫЙ ВЕТЕР

Кому как тоска, а кому как награда,
Но снова приходит пора листопада.
Вот с ветки срывается желтая стая,
Скользит и кружится, недолго летая.

Среди многоруких стволов, уже спящих.
И ветер желтеет от листьев летящих.
Листок, что не более детской ладошки,
Вдруг мелким зверьком пробежит по дорожке.

И все ж успокоились и улеглись,
Забыв и оставив привычную высь.
И желтою стали тропой среди пней,
И осень неслышно ступает по ней.

НУ, ПОДУМАЕШЬ, ЛЮБОВЬ...

Мы ворчим, ломая бровь,
Нам сдаваться не пристало.
Ну, подумаешь, любовь...
А она уже настала.

Яростно бушует кровь,
По-иному солнце всходит.
Что ж, да здравствует любовь!
А она уже уходит...

ХУТОРОК

На хуторке одни старухи,
Пять мужиков и шесть коней.
Но и сюда доходят слухи
С обширной родины моей.

Мавроди выпустили вроде,
И это праздник МММ.
И нынче пусто в огороде.
Здесь осень, тоже нет проблем.

А у бабули есть варенье,
Ей хватит на зиму угля.
Ей как-то побоку паденье
И возвышение рубля.

За темноту ее простите
Или поставьте ей на вид:
Она не знает, где Гаити,
Куда вернулся Аристид.

И дань с тура воздал стакану
Любитель самогонки дед.
А кот все смотрит на сметану,
Как на эротику сосед.

А дед опять хлебнул «для нормы»,
Все ищет на вопрос ответ:
Как из Москвы дойдут реформы,
Ведь к хутору дороги нет.

ЛЕТНИЙ СОН

*Писателю-земляку
Сергею Хоршеву-Ольховскому*

Поднимая тяжелые кисти
Выше самых высоких оград,
Ловит солнце ладошками листьев
За окошком моим виноград.

Не в ладу с этим летом, а в споре
Утомленный жарою народ.
И одних так и тянет на море,
А других — лишь на свой огород.

Где хозяйские радует взоры
Всех забот и усилий венец -
Ярко-красные помидоры,
Бесподобный простой огурец.

Где прохлада отцовского крова,
Запах брошенных трав на полу.
Тишина, где ни звука, ни слова,
И сиянье лампадки в углу...

Не найти было лучше местечка,
Где резвились вовсю, хохоча,
Это наша Ольховая речка
И колхозная чудо-бахча.

Дома грядки согласно заданию
Поливал даже в день выходной.
Ну а вечер был отдан свиданию
С самой лучшей девчонкой одной...

Как тогда подобра-поздорову
Выйду к стаду на дальнем лугу.
Отыскать мне свою бы корову,
Все ищу, а найти не могу...

Пусть все снится, а нет и не надо:
Далеко завела колея.
Но всегда ты со мной, как награда,
Деревенская юность моя.

КОМЕТА

Из несусветных далей
В холодной вечной мгле:
Так, без руля, педалей,
Летит она к Земле.

Чтобы умчаться в небыль
Без грусти ни о ком,
Чтобы расцвести на небе
Диковинным цветком.

Сверкнет и пронесется
Один лишь только раз.
Она еще вернется,
Когда не будет нас...

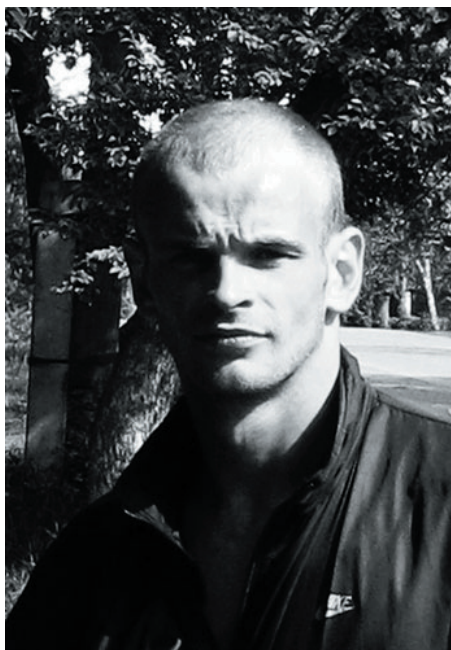
И мы не умираем,
А также до поры
Мы просто улетаем
В далекие миры.

И, прочертив пространство,
В такой же вечной мгле,
Из невозможных странствий
Направимся к Земле...

Войдет звезда устало
В ночные облака...
Мелькнула и пропала
Надолго, на века.

**Даниил
ПЛАХИН**

**Тара,
Омская область**

Плахин Даниил Николаевич. Родился в г. Тара Омской области в 1986 году. Публиковался в журналах и альманахах: «Путеводная звезда» (Москва), «Факт» (Тара), «Складчина», «Иртышъ-Омь», «Омская муза» (Омск), «После 12» (Кемерово), «Огни над Бией» (Бийск); в периодике; в коллективных сборниках: «Весна – это всех касается», «Принимаем весь мир», «ПарОм. Поэзия и критика», «ПарОм. Поэзия и проза» (Омск, 2007, 2011, 2013, 2016); в электронном журнале «Парус», на сайте журнала «Великороссь» и других Интернет-ресурсах. Автор поэтических сборников: «Стихи из школьной тетради» (сборник переиздан по частям в двух последующих), «Краткостишья», «Осколки» (Тара, 2009, 2011, 2012), «Сравнительные женоописания» (Омск, 2014). Победитель районного литературного конкурса (номинация «Поэзия») «Я – сочинитель» (Тара, 2007). Участвовал в региональных семинарах СПР в 2006, 2010гг. и СРП «ПарОм» в 2012, 2013, 2014, 2015гг. Живёт в Омске.

Осколки

Меня завтра не будет тут –
Если хватит шагов на сто...

В душе пожар, во взгляде лёд,
В устах молчанье партизана...

Непониманье строит замок,
Надежда верность не блюдёт...

Я был... был... был... И кем я только не был!
Самим собой?.. А как им надо быть?..

А. Кутилов

Лет немного, немало прожил.
Сколько прожито – всё моё.
Не старался я быть похожим
На кого-то.

Не слыл свиньёй
(Хоть страдал иногда,
бывало,

Я провалами в памяти...).

Но

То, что с толку всегда сбивало,
До сих пор так и не решено...

На сто шагов делю пространство,
на сто задумчивых шагов.

А. Кутилов

Думал,
что далеко ушёл.

Но,
как прежде,
на полпути.

Горизонта неровный шов
Не вспороть.
Даже не дойти.

...Интересно,
где как живут,
Что теряют,
находят что...

Идёт за мною по пятам
Лишь скука
(чтоб ей пусто было!),
Суёт своё седое рыло...

Куда б ни шёл я –
она там.

День и ночь
сменил местами.
Сам себя не узнаю...
Как на место всё поставить
И вернуться в колею?..

Ты сейчас далёко очень.
Вряд ли вспомнишь обо мне.
Хнычет осень тёмной ночью -
Ей досадно,
мне –
вдвойне...

Свет гашу.
Темно вокруг.
Новый день еще нескоро.
Сердце давит злой недуг –
Я один –
от всех оторван.
Тишина и пустота
В хулиганистой душе.

...Бледный шанс,
один из ста...
Он погас,
как мой торшер..

Всё настолько мелко,
серо,
Что в глазах уже
рябит.
Пролетаю, как фанера
Или как метеорит.
Ничего-то не случится,
Не исполнится мечта.
Каждый день всё те же лица,
Хоть и разные места...
...Может, ищешь, где не надо,
Ждешь не с этой стороны...
...Говорят,
большие
рядом
Вещи
часто не видны...

За окнами снега хрустящие клочья
Бросятся в лужи на верную смерть.
Душа беспризорная вырваться хочет
За рамки приличий
и матом запеть.
Двадцатая осень проходит без толку.
Душа промерзает сильнее и сильнее.
Возьму шестиструнку с гвоздя,
как двустволку,
Хотя б подстрелю пять оставшихся дней.

Как известно,
жизнь...
не поле...
Да и я
не комбайнёр.
Что она?
Дорога, что ли?

Указатели кто стёр?..

В общем,
жить я не умею.
И не знаю,
что-почём.
Но живу.
Доволен ею
И надолго увлечён!

Всё давно набекрень у меня,
Всё не так, как порою мечталось.
Но,
увы,
никого обвинять
Не могу,
даже самую малость.
Не устану барахтаться всё же.
Голова, руки-ноги – в порядке.
Слишком рано мне что-то итожить.
Да к тому же влюблён без оглядки...

Снега пустились наутёк...
На ветках почки...
Скоро лето.
Твой тёплый взгляд на душу лёг.
Вот и душа теперь согрета.

Не с года нового начать –
С весны! –
попробую всё снова,
Тоску, как лишнюю запчасть,
Зашвы́рнув
или спрятав дома.

Ночь холодная,
без сна,
В неудобном кресле.
С кружкой чая
у окна
И с тягучим
«если?».

Если вера не спасёт?
Если истончала?
Если бросить всё-всё-всё
И начать с начала?.

Всё прозаичней самой серой прозы:
Закопанный талант
объявлен в розыск.
Разбитое...
не бьётся больше в такт...
Не ладится
ни эдак и ни так.
Развеяно по вѣтру столько фраз!
Ни в бровь не угадавших и ни в глаз...

Безработный, холостой,
Несудимый ранее...
И ни с этой, и ни с той
Стороны.
На грани я.
Срыва нервного?
Тюрьмы?
Жизни или смерти?
Будто старый зуб,
заныл
Равнодушный ветер...

I

Я устал.
Опускаются руки.
Надоел сам себе,
окружающим.
Всё мне обрыдло.
Ты, Господь, меня лучше пристукни.
Потому что как я прозябать –
это попросту стыдно!

II

Всё отлично! –
Имею работу.
И работа имеет меня.
Возразить пусть попробует кто-то,
Что вот так выражаюсь я зря.

I

Всё придумано кем-то
уже до меня.
Ни открыть, ни сварганить чего-то такого!..

Может, встретимся после тяжёлого дня? –
Сконструирую новое тёплое слово...

II

Ты приснись хоть
ближайшею ночью.
Подарю Тебе красочный стих.
Можешь делать с ним всё, что захочешь.
Не играй лишь на чувствах моих!

**Николай
ЕРЁМИН**

Красноярск

Николай Ерёмин - член Союза российских и прочих Союзов писателей, лауреат литературных премий, автор множества книг поэзии и прозы, наставник молодых дарований.

РОК и РИСК

*«Рок-н-ролл –
Об стену сандалии...»
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ*

Музыкант любил и рок и риск –
И за это
Сослан был в Норильск...
Где –
Полгода мрак,
Полгода свет –
Отмотал, увы, 15 лет...
И к себе на Волгу –
Боже мой! –
Возвратился – старый и больной...
Чтобы посреди родных людей
Жизнь дожить
Без роковых идей...

НОЯБРЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

Соцреализм –
Увы, «литература»
Рифмуется с «культура» и «халтура»...
Капреализм рифмуется, увы,
С соцреализмом –
Но без головы...

АКЦЕНТ

Помню, как с акцентом пела Пьеха
На вершине славы
И успеха...
Как на фестивале я, студент,
Подпевал,
Копируя акцент...
Неспроста поёт весёлый Стас
Без акцента,
То есть, без прикрас...

ШКОЛЬНОЕ ТАНГО

*в скверике имени Василия Ивановича
СУРИКОВА*

У школы,
В скверике старинном,
Под старенькое пианино
Мы танцевали на костях...
Не зная,
Что,

Увы и ах,
Здесь было кладбище когда-то...
И позабыто всё,
Что свято...

Когда узнали - трали-вали –
Прозрели
И не танцевали...

*«...я законов неба пленник...»
В.ХЛЕБНИКОВ*

Настало время просыпаться,
Смеяться солнцу,
Улыбаться...
В реке разбуженной плескаться...

И ожиданьем наслаждаться
Того, что, кажется,
Вот-вот
В душе и вне произойдёт...
2017

Я стоял под водопадом –
Рад и телом и душою...
А потом – под звездопадом,
Рассуждая: - Что со мною? –
И, покуда был я рад,
Продолжался
Звездопад...

ВОДОПАД

Я воду пил
Из водопада...
И в нём купался...
Чего ещё мне больше надо?
Я жив остался!
И каждый раз
Вернуться рад,
Чтоб выпить,
Встав под водопад...

Весна... Любовь... И многострочность
Поэзии ручьёв и рек...
Меня испытывал на прочность,
Ломая лёд,
XX-й век...

И в ХХI-м, как всегда,
О, ты – весенняя вода...
И долгожданный ледоход –
И по реке плывущий лёд...

Не верится,
Что скоро – Новый год...
И может что-то лучшее случиться...
Такой вокруг
Расстроенный народ...
Такие озабоченные лица...
И всё-таки снег, падая,
Искрится
Так, будто всё изменится вот-вот...

Снегопад...
Снегопад...
Снегопад...
Вдоль реки – под горою и над...
В небесах...
В отдалённых лесах...
В воскрешённых родных голосах...
Снегопад – где и счастье, и страсть...
И желание жить, не пропасть...
И снежинки – со мной – до весны –
Обручённые –
Обречены...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРОПА

Вновь протопал я меж тополей
По тропе
Протоптанной моей –
В мой любимый древний Литмузей,
Где со стен - глаза моих друзей
На меня всё пристальней глядят,
Вопрошая,
Рад я иль не рад?
Нашей встрече на исходе лет,
Совместившей
Этот
И Тот свет...

Неизбежного –
Не избежать.
Значит, я продолжаю бежать...

Неизбежное –
Это цель
Под названием Коктебель...

Где меня –
И не друг, и не враг -
Ждёт потухший вулкан Карадаг...

Черноморский
Магический дым,
И Волошинский профиль - над ним...
2017

Ворожея...
Огонь в золе...
О, детская любовь моя
Над книгой о добре и зле -
Над вечной тайной бытия -
Шутя гадала и всерьёз...
Что предсказала –
Всё сбылось...
2017

СТРАШНЫЙ СУД на ТВ

Армену Джигарханяну

Судьи правды не знают...
Боже, всё расскажи, -
А не то запытают
На детекторе лжи...
...Как Ты, бедный, попал
К ним на этот канал?
Чтоб, Пилату в ответ,
Повторять «Да» и «Нет»...

Сергей НОСОВ

Санкт-Петербург

Носов Сергей Николаевич. Родился в Ленинграде (Санкт-Петербурге) в 1956 году. Историк, филолог, литературный критик, эссеист и поэт. Доктор филологических наук и кандидат исторических наук. С 1982 по 2013 годы являлся ведущим сотрудником Пушкинского Дома (Института Русской Литературы) Российской Академии Наук. Автор большого числа работ по истории русской литературы и мысли и в том числе нескольких известных книг о русских выдающихся писателях и мыслителях, оставивших свой заметный след в истории русской культуры: Аполлон Григорьев. Судьба и творчество. М. «Советский писатель». 1990; В. В. Розанов Эстетика свободы. СПб. «Логос» 1993; Лики творчестве Вл. Соловьева СПб. Издательство «Дм. Буланин» 2008; Антирационализм в художественно-философском творчестве основателя русского славянофильства И.В. Киреевского. СПб. 2009.

Публиковал произведения разных жанров во многих ведущих российских литературных журналах - «Звезда», «Новый мир», «Нева», «Север», «Новый журнал», в парижской русскоязычной газете «Русская мысль» и др. Стихи впервые опубликованы были в русском самиздате - в ленинградском самиздатском журнале «Часы» 1980-е годы. В годы горбачевской «Перестройки» был допущен и в официальную советскую печать. Входил как поэт в «Антологию русского верлибра», «Антологию русского лиризма», печатал стихи в «Дне поэзии России» и «Дне поэзии Ленинграда» журналах «Семь искусств» (Ганновер), в петербургском «Новом журнале», альманахах «Истоки», «Петрополь» и многих др. изданиях, в петербургских и эмигрантских газетах.

После долгого перерыва вернулся в поэзию в 2015 году. И вновь начал активно печататься как поэт – в журналах «Нева», «Семь искусств», «Российский Колокол» , «Перископ», «Зинзивер», «Парус», «Сибирские огни», в изданиях «Антология Евразии», «Форма слова» и «Антология литературы XXI века», в альманахах «Новый енисейский литератор», «45-я параллель», «Черные дыры букв» в сборнике посвященном 150-летию со дня рождения К. Бальмонта, сборнике «Серебряные голубы (К 125-летию М.И. Цветаевой) и в целом ряде других литературных изданий. В 2016 году стал финалистом ряда поэтических премий – премии «Поэт года», «Наследие» и др. Стихи переводились на несколько европейских языков. Живет в Санкт-Петербурге.

ПЛАВНИКИ ЭТОЙ ОСЕНИ РЫБЫ

Плавники этой осени
рыбьи
и плывет она
в синих задумчивых лужах.
На хвосте у нее
облака,
и их ветер качает
туда и сюда
по холодному небу,
с которого
падают звезды ночами
и сгорают, как искры
большого костра
на ветру.

Может когда-то и станет
так одиноко
как раньше,
мертвые листья вернутся
на ветки
и лужи,
вновь превратятся
в ничтожные капли
на стеклах,
и повсюду вокруг
на траве,
маятник будет качаться
в прихожей
и скорбно отсчитывать время,
то что мне
попросту не с кем
будет делить пополам.

И снова бил барабан
и люди шли
на войну,
и кто-то писал стихи
про то,
как они идут.
Им кто-то махал рукой
и кто-то их
будет ждать,
да только
к себе домой
они не вернутся
опять.

Ты стал слоном -
уже имеешь бивни
и носорогом будешь,
подожди,
рог уже есть,
а может это хобот.
Живешь в лесу
и это хорошо.
а я вот плаваю
ведь я
всего лишь рыба -
имею только хвост
живу на дне.

В лесу
очень много веселых
зеленых деревьев
а в небе
пустых облаков
из белого птичьего пуха
и в море
больших пучеглазых
бессмысленных рыб,
и в жизни
веселого детского смеха,
который всегда налипает на стекла
сияющих окон
счастливых домов.

Живу один,
как клочок травы
на камне,
а рядом ждет
проезжая дорога,
по ней везут
снопами сено
с сенокоса,
меня не замечая
никогда,
но я и рад.
Пусть ветер шевелит
мне волосы
седые,
как травинки,
и ночью птицы

томные поют,
которым дела нет
до сенокоса
и до косцов
с их косами стальными,
и до их мокрых
загорелых спин.

Все хорошо у нас:
просто из ничего
облако над головой
стало добрее к нам,
садится опять на плечо,
ветер, как старший друг,
волосы гладит вновь,
но я ему не сказал,
что тебя люблю,
что завтра опять дарю
с поля тебе цветы,
они так легко растут -
можно их просто рвать
и приносить на окно,
за которым
ты ждешь меня.

Я тебя буду любить
также, как льется вода,
также, как волны бегут.
Ты будешь плыть
в той любви
так, как плывут облака
и на одном из них
нам бог нарисует судьбу.

Окно открывается просто
в невидимый мир.
В нем вместо деревьев
умершие души
стоят молчаливо,
тропинка меж ними
привычно ведет в никуда.
Там высится крест одинокий,
стоящий безмолвно
так много непрожитых лет,
и ворон сидит на нем,
словно волшебник
всегда,
и помнит всех тех,
кто к кресту приходил

ниоткуда
и что-то шептал
всю безумную долгую ночь.

Чудо становится ближе -
его придвигают к тебе
своими руками
знакомые гномы
в красивых
больших колпаках,
на которых всегда
колокольчик звенит
нежным звоном.
Башмаки этих гномов
тихонько скрипят
по паркету,
и шарфы у них
длинные, и голубые
и глаза,
как у вдруг прилетевших
откуда-то с юга
испуганных птиц.

Кто здесь был
и зачем приходил -
перевернута чашка
вверх дном,
полотенце
лежит на полу,
отодвинута штора
с окна,
и само окно
полуоткрыто.
Может, выпрыгнул -
нет и следов,
ведь не призрак,
хотя дверь закрыта
и никто ее
не открывал.

И пластилиновые судьбы
на тесемках
качаются, как фантики
на елке,
и бродит между ними
черный кот.
Он очень мудрый
и давно все знает,
кому какая участь

на земле
и для кого
какие чудеса
на этот год
обещаны на свете.

Для нас и море
станет лишь прудом
у дома
и опрокинутым ведром
пустого воздуха
нам будет небо,
и сад окажется
подстилкой у порога,
и жизнь
пускай идет, как кошка
на мягких лапах
по своей тропинке,
неведомо куда
и почему.

И кто же виноват,
что мы не души
бесплотные
в придуманном раю
похожем
на бессмысленную сказку,
где жизнь из мрамора
а слезы из стекла
и места нет
для ласки и объятий
и для земного
нежного тепла.

И мне небо теперь
вместо шляпы
и день мне, как плащ
на плечах,
и ботинки теперь у меня
из старых слежавшихся мыслей,
в них

так славно идти
по проспекту души
одному.
И шуршат под ногами
знакомые чувства,
как листья,
будто их
уронили деревья
на серый асфальт.

В этом странном
заброшенном доме
никто не живет:
заколочены окна,
но дверь приоткрыта
и ночью
в нем кто-то
так тяжело вздыхает
и ходит
по комнатам темным
а с утра у порога
всегда появляется
старый
оборванный нищий
и униженно просит
чудес,
так как дети
убогие
просят конфеты
у доброго бога,
совершенно не зная,
что бог
не хозяин конфет
на земле.

**Анатолий
КАЗАКОВ**

Братск

Анатолий Владимирович Казаков литератор, одухотворенный творчеством писателей деревенщиков Василия Шукшина, Виктора Астафьева, Василия Белова...

Он не занимается сочинительством ради сочинительства, он осмысливает реальность жизни и пытается донести её до читателя так, как чувствует это его собственная душа: передать и боль, и радость простым, доступным каждому языком.

Сибирский мужик детство помянул

Тихий новогодний снежок моего далёкого-предалёкого детства шёл несколько дней к ряду. Укутывая дороги и дома, не забывал и про нашу барачную крышу. Так уж создано Создателем, что ежели снежок, то и для всех он идёт. А уж сколько с него забав человеку! Ну, горки это само собой, их в деревнях и строить не надо - там ландшафт такой, что любая деревня на пригорке стоит или почти каждая. Внизу, как правило, речка - опять же, каток природный для ребятни. А ледок как стекло, и все-то водоросли, и каждую рыбку видать, да вот только поймать их сложнее. Зимой все, кому не лень, конечно, шуку на жерлицу ловят, и по сей день так, большущие, бывает, попадают, охают да ахают, словом, дивятся люди большой хищнице, да мигом её на сковородку. В муке обваливают, немного приправы, да тут кто на что горазд, к этому делу и картофельное пюре спроворят. Чудны дела твои Господи, индо дух захватывает. У нас в Сибири закинут, бывало, на работу в тайгу, а воды не хватило, тут же снег выручает, набьют котелок - и кипяток готов, опять же вкусен он, кипяточек энтот самый. И нутро согреет, а ежели добавить туда индийского чая, шиповника со смородиновым листом сыпануть, подсладить это дело сахарком! То горбушка чёрного али белого хлеба с вкусно посоленным салом в самый раз может оказаться шибко потребной, опять же нутру, ибо для работы организму подзаправиться надобно. И дедушка Мороз становится вовсе не страшен. Замечательно помог батюшко Мороз в 1941 году под Москвой, дал прикурить фашистам, побегли назад вороги от Первопрестольной. А для нас сибирских мужиков это - дело привычное, это наш, что ни наесть, образ жизни...

В армии видел я огромный выдолбленный ледник, там коровьи туши для нас, солдат, хранились. Когда туши эти мы выволакивали для столовой, то немало удивились печати, на которой было написано синим жирным цветом, что штамп был поставлен в семьдесят первом году, я же служил в восемьдесят четвёртом. Прапорщики, улыбаясь, говорили, что это ещё свежая корова, были туши и с пятидесятих годов. И это всё в леднике долгие годы хранилось. Ели солдатскую похлёбку, и вроде случаев отравления я не упомяну...

Вот уже несколько недель мысли о том, чтобы написать сказку, я даже чувствую её подход в мою голову, но вот не выходит, успокаиваю себя: стало быть, пора не приспела. Ох, это предновогодняя чучечка, ощущение нового года. Ныне, когда уже давно стал взрослым, уже нет, к великому сожалению, того радостного ощущения, и мы с женой неустанно повторяли своим сыновьям: не спешите, мол, расти, а они уж и выросли, вот ведь какая быстрая ты, жизнь человеческая. Но вот вроде вчера горку сыну Серёжке в садике заливал, а ему уж двадцать лет. Воспитательница помнит его, а мы её, и при встрече здороваемся, и опять же дивимся быстротечности времени. Как-то Великий русский писатель Валентин Григорьевич Распутин сказал примерно следующее: «Время для того и есть, чтобы человек успевал то, что ему надо успеть сделать в жизни», в самом деле простые слова, но они мудры.

И вот мысли мои опять далеко в барачном детстве. Я стою возле новогодней ёлки, любуюсь игрушками, домиками занесёнными снежком, сосульками, разными зверушками. Всю ёлку мама облепила ещё и кусочками белой ваты, ну и, конечно, магазинным блестящим дождиком. Долго глядел я на домик, висящий на зелёной веточке ёлочки, вспоминал свою бабушку, живущую в деревеньке, мне почему-то казалось, что она там замерзает. Было жаль и срубленную ёлку, мама успокаивала меня, говорила, что все на новый год срубают. А тут ещё и песенка «Срубили нашу ёлочку под самый Новый год», но почему срубили-то, думал я, росла бы себе, а люди бы в лес ходили, любовались бы там, она в лесу красивая стоит. А если уж так хочется, то и наряжали бы игрушками прямо в лесу.

Интересные были раньше игрушки, их создавали действительно волшебные мастера-художники, и если вдруг из них кто-нибудь, будучи давно на пенсии, но прочтёт этот рассказ, то передаю им из своего детства низкий поклон. А если у кого-то есть родственники, которые создавали для детей новогодние игрушки, то им обязательно передайте от меня большой-пребольшой Новогодний привет...

Гляжу я на ёлку, и вовсе не замечаю холода в нашей барачной комнатухе. На мне валенки, тёплый вязаный свитер, каких много завезли в магазины молодого Братска. Mamочка растапливает печку, в душе умиротворение от того, что скоро будет тепло у нас в доме. Окна все в сказочных узорах, я

с любопытством их разглядываю, а ресницы слипаются от барачной температуры, на полу сильно продувает из-за плохих завалинок, выручают, как всегда, на Руси валеночки. Кот крутится возле мамочки, знает, что мама Настя скоро будет разделявать мясо и непременно отрежет ему большой кусок. Кот, заглотив мясо, снова нагло царапает маму за рейтузы, чтобы она ему снова дала вкусенького, мамочка немного злится на кота, ей жалко новые рейтузы, но, быстро сменив гнев на милость, накладывает в кошачью миску горячих пельменей. Здоровенный кот Барсик терпеливо сидит возле миски, ждёт охлаждения, которое почти мгновенно и происходит - барак есть барак. К новогоднему столу человек готовится долго, подготовка эта самая настоящая сказка, ведь взрослые, отвлекаясь от своих взрослых вопросов, всё же вспоминают в эти дни о детстве, только вот вспоминать бы об этом надобно не только перед новым годом или перед днём рождения, а вообще почаще. Многие меня не слушают и не согласятся, особенно взрослые, конечно, скажут: ипотека, кредиты, завсегда много жизненной суеты у человека. Но я всё же тихонечко прошу вас, папы и мамы, бабушки и дедушки, возвращаться в детство и рассказывать о нём детям и внукам, и, конечно, сказки читать, лучше те, которые мы сами читали в детстве. И только от этого одного может улучшиться настроение, а это в наш депрессивный век ей Богу, не маловажно... Я стою и вижу, что кот уже наелся, облизывает лапу и хвост. А я гляжу в большое зеркало и расшатываю языком свой молочный зуб, как же страшно его расшатывать, но рядом лежат новогодние подарки, их дали маме на работе. Работает мама на Комбинате железобетонных изделий крановщицей на заводе ЖБИ-5, вот там и дали ей эти замечательные красивые новогодние подарки. В тех детских подарках не было никакой химии, всё было натуральным и очень вкусным. Но как же я буду их есть, если у меня шатается зуб? Ещё одна попытка языком, и зуб вывалился, немного покровив. Великая радость в моём организме от этого, и уже съедены махом несколько конфет. От прилива энергии прошу мамочку, чтобы снова взяла меня на завод: видеть, как моя мамочка перевозит по огромному цеху панели, было очень удивительно, но я был школьник начальных классов, долго не выдерживал, и моя любезная матушка расстилала в кабине крана телогрейку, где я под огромный цеховой шум засыпал. Из этих самых панелей и построен весь наш город Братск, и я знал, что моя мама Настя причастна к этому доброму волшебству. Мама поставила на стол консерву, на которой было написано «Мясо кита». «На земле столько еды, - думал я, - есть картошка, пельмени, апельсины, ну зачем убивают китов?» Мама смеялась надо мной, говорила, что у неё беда со мною. Я глядел вокруг, а беды почему-то не видел.

Постоянно ломался чёрно-белый телевизор под названием «Берёзка». Мастер нам объяснял так, что если бы у вас была в комнате одна и та же температура, тогда бы он у нас меньше бы ломался. Но в этот новый год телевизор работал. Я глядел на человека, играющего на аккордеоне, шла передача для военных, пел Евгений Мартынов, и песня, в которой отец писал матери письмо с фронта, мне очень запомнилась. Мама растила меня одного, но песню эту я потом часто напевал, дожидаясь маму с работы: «Дорогая моя, поцелуй ты крепче сынишку, знай, что вас от беды я всегда сберегу». Зашёл друг Эдик, и мы с ним носились по барачной крыше, всех вида. А взрослые несли в бараки разные вкусности, предвкушения праздника было потрясающим. Вот дядя Зиновий завёл свой мотороллер и по очереди катает многочисленную барачную ребятню, тут и дядя Гена Бутылкин со своим мопедом не отстаёт, тоже всех катает. Эдик вытащил подзорную трубу, привезённую ему его дядей Валерой из Москвы, и уж целая очередь поглядеть на диво-дивное образовалась. Все дети одеты в простенькие пальтишки, и никто не выпендривался. Немного погода и хоккейный матч между бараками образовался, играли и дети и взрослые, всем было очень весело, синяки от ударов клюшкой не огорчали. Мороз и хоккейный азарт лечили все раны, просто невозможно было хныкать от боли, когда по телевизору Харламов, Михайлов, Петров, Капустин играют.

Вот, хотел написать сказку, не вышло, получилось нечто вроде рассказа, и то - получилось ли? Критиков и в наше, и в любые времена, хватает с лихвой. Да вот потянуло сибирского мужика вспомнить своё барачное детство, и немного кой-чего из жизни. Ещё добавлю, что панельные дома моей мамы и родителей друга Эдика, тёти Нины и дяди Володи, смотрят друг на друга. Состарились давно наши родители, а всё одно - кто первый из них проснётся, то непременно спешат к окну. У них вроде соревнования происходит, кто, мол, первым встаёт. Поднимаются же старики наши рано, в пять утра, и такое вот соревнование радует их души. Но это ещё что, повстречаются на улице, и спорят, у

кого раньше свет загорелся, потом весело рассмеются, обнимутся. Ничего на свете нет сильнее таких людей. Ведь кажинное утро обязательно чай из блюдечка попьют, и ведь так много во всём этом, так много, что глядя на снежок спустя полвека, я говорю ему:

- И вовсе ты не постарел, дорогой сибирский снежок.

В прошлом году читал свои сказки в детском доме, а перед тем, как войти в здание, обратил внимание, что у огромного снеговика вместо морковки торчит большущая картошина. Спросил у детей, оказалось, что морковку они втыкали два раза, она исчезала. Просто один мальчик её почему-то съедал. Когда я рассказываю эту историю в школах детям, они смеются, а я, грешный человек, думаю в этот момент о Родине своего детства...

Говорят, меняется время, меняются люди, сколько уж об этом сказано-пересказано, но детство никто не отменял. И если кто-то, прочитав этот рассказ, отправится с сыном или дочкой на лыжную базу или хотя бы покататься с горки, сделает кормушку для птичек, то у ребёнка будет что вспомнить, да и у взрослых тоже, такова наша загадочная жизнь. А меж тем ребёнку и сочинение в школе будет, о чём написать, так что двигайтесь, взрослые и дети, по земле, дивитесь её красотам сказочным. Важно ещё, что для всех это открыто, не ленитесь только - внемлите. Сколько философов было, сколько писателей, а стихию народной жизни так никто до конца и не понял, и это, безусловно, замечательно...

Пользительный рецепт Евдокии

«Зимой, знамо дело, позёмка метёт, особливо по вечерам глянешь в окошко, у кого и настрой жизненный от этого потускнет, а кто и с гармошкой с девками по селу, лепота, одним словом, лепота»...

Вот с такими мыслями и сидела Евдокия Андреевна в своём старом деревенском доме. А мысли - они что, их только тихонько подтолкни, а они уж разбег взяли, и Евдокия продолжала думать: «Ну, грустные мысли - это от чего бывало? Да потому, что кто старый стал, всё-то у того болит, мается сердешный али сердешная. А тут позёмка метёт, от энтого дела спина саднит, индо спасу нет, да коли бы одна спина, ноги болят, вот где оказия настоящая, как без ног-то в жизни. Вот и ложатся старики на печь русскую кости греть, легше тады им деется. Не даром в народе столь сказок про печь русскую сложено, пользительная она во всех смыслах. И хлёбово с кашей вкусное, и пойло корове натомится, и одёжу мокрую высушишь, ну, чудо ведь и есть чудо. Ну, а молодым, бывало, чего грустить - позёмка не позёмка, ничегошеньки не мешат. Жарко душе в любую стужу у молодого, любовь организм греет, и ведь на морозе целуются - всё ни почём. Девки-то, бывало, какие все румяны, парни на коленки их глядят - с ума сходят, и ну опять целоваться, а песни какие, ныне таких не поют. Дух захватывали песни - вот это и есть песня...»

Евдокия Андреевна жила теперь одна в деревне, воспоминания, что давеча явились в её голову, были настолько дальними, что всерьёз казались несбыточной сказкой. Свет у неё был, потому как по близости ещё две деревни стояло, там народу было побольше. Было ей уже за восемьдесят, дивилась про себя, как до тех пор дожила. Ведь болезни крутили, и желчный был давно удалён, словом, два старых посылочных ящика таблеток - вот какая была её жизнь. Ведала, что и в городах люди старые, как и она, маются, только они на людях, а она одна. Когда наступало лето, становилось Евдокии полегче, за зиму она сплела два десятка корзин, да и старый запас корзин из прошлых лет имелся. Вот и продавала она их потихоньку на базаре. Автобус в соседнюю деревню ещё ходил, что было великой радостью для стариков. Растила Андреевна на своих грядках чеснок, лук и немного картошки. Она бы и больше по крестьянской своей привычке картошки сажала, да вот никудышная стала совсем, ибо на работу сила надобна. Ох, была у неё силушка, ох была: часа три поспит, и снова весь день до ночи в работе, да не просто в работе, а в крестьянской именно работе. Сколь раз надсаживалась - и не упомнит, а отудбив, снова впрягалась в тягло жизни, и не то чтобы это была какая-то крайняя необходимость, уже давно люди на селе жили намного лучше, чем раньше, но вот привычка работать - это тоже привычка.

Говорили люди: «Ну, куда, мол, тебе одной, ни мужа у тебя, ни детей». Все к ней шли денег занять, и никому никогда не отказала. Теперь же варила себе тыквенной каши с пшеном, суп без мяса варила. Твердила, что ничего жирного нутро не принимает. Но вот на диво чеснок, лук и картошка вырастали всегда у неё очень хорошие. Так как ничего острого ей было нельзя, то чеснок она продавала, лук продавала, не весь - всё же оставляла для супу.

Была уже осень, настроение у Евдокии было понурым, спасали молитвы, час она молилась утром, и час - вечером, любила читать божественные книги. Прослышала Андреевна, что в районном посёлке у дальней родни детки заболели, шибко кашляли, а врачи, конечно, пичкали таблетками. Евдокия была против этих таблеток, считала, что ежели экстренно, то, конечно, таблетками, а вот долечиваться надобно обязательно травами. Набрала в новенькую белую корзиночку луковиц со своего огорода и, пока ехала на автобусе до посёлка, вспоминала, кем ей приходится родственники, рассуждала так: «Ну, брат двоюродный Сергей был, помер, сын Валерка, стало быть, живёт там в посёлке, у Валерки дочки две большие замуж вышли, вот у одной из них детки-то и захворали». Быстро нашла дом Валериной дочери Елены, та приняла хорошо, все друг друга знают. Евдокия Андреевна быстро говорила:

- Девка, кипяти молоко в большой кружке, туда луковицу мелко порежь и брось, пусть маненько покипит. Остудишь, дашь испить робятам, утром им должно полегше стать. Денька три попои обязательно, послушай старуху.

Попила чаю, и снова в свою деревню засобиравшись, боясь опоздать на автобус. Елена вострепелась:

- Тётя Дуня! Да зачем же целую корзинку-то лука принесла, да и тебе надо корзину отдать, погоди только.

Евдокия схватила за потянувшуюся было руку Елены к корзине:

- Не трог, девка, корзину я тебе дарю, моих рук это работа, в посёлке кроме меня никто боле не плетёт, а лук мой самый лучший, не сумлевайся, Лена.

Елена смущённо только, и вымолвила:

- Все знают вокруг, что ваши корзины самые качественные. Мы тогда с Валерой в деревню приедем и поможем вам ивняка заготовить на корзины.

Евдокия, помолчав с полминуты, да и то взяв такой короткий роздых для какой-то заплутавшей мысли, тихо сказала:

- Эх, девка, да я уж за лето-то запасла на зиму. Ты, главное, робят лечи, я не шучу, я сурьёзно тебе баю, что энто средство помогает от кашля шибко.

К вечеру Андреевна была в своей избе, поела пирога с творогом, и за день умаявшись, после молитвы быстро заснула. Утром, поднявшись, подивилась, что крепко спала, редки для неё стали такие ночи. А через два дня позвонил ей на её простенький сотовый телефон Валера, и громко кричал в трубку:

- Ну, тёть Дунь, спасибо тебе, ведь мои-то внуки вовсе перестали кашлять.

Сварив в печи тыквенную кашу, Евдокия Андреевна потихоньку ела и думала: «Дров у меня много заготовлено, годами копились, может Валерка приедет, розетку починит, вроде обещал»...

**Сергей
ПРОХОРОВ**
Нижний Ингаш

Сергей Прохоров - член Союза писателей России, член Международной Федерации русскоязычных писателей, член-корреспондент Крымской литературной академии, автор 18 книг стихов и прозы, кавалер ордена «Культурное наследие»

Мозги у нас, порой, как руки.
И, засучивши рукава,
Верчу стишок, как кубик-рубик.
По цвету рифмы и слова
Ищу подушечками пальцев,
Квадратик яростно крутя,
И черепком неандертальца
Мелькнет создание в горстях..

Сердце что-то покалывает -
Надо бы поберечь.
Отдаётся бокалами
Перевыпитых встреч.
В звоне радуги той весны,
Под осенние струи
Сколько было их: радостных
И печальных, и всеу...

Как из прорвавшейся перины
Снег сыплет хлопьями с утра.
Крыльцо завалено, перила
Блестят от снежного пера.

Весь двор как будто сросся с небом –
Ни высоты вокруг, ни дна.
И столько снега, столько снега –
Одна сплошная белизна.

А где к поленнице тропа-то? -
Всё во дворе белым бело.
Скрипит фанерная лопата,
Торя тропинку за теплом.

ОТЧИЙ ДОМ

Нет ничего родней и ближе,
Чем отчий дом.
В печи огонь поленья лижет,
Дыша теплом,
А на плите томятся чайник,
Борщ в чугуне,
И гость к порогу неслучайный
Мелькнёт в окне.

Износился весь до дыр
Между делом
Мой прижизненный мундир –
Моё тело.
Ещё новенький вчера
(Жил не в меру)
Искромсали доктора –
Костюмеры..
Не фасонистый уже,
Всюду дырки,
Словно дамский неглиже
После стирки.
Но душой поэт и бард –
Праху – кукиш!
Я не сдам себя в ломбард,
Ты – не купишь..

ДОМАШНИЙ ОГОНЁК

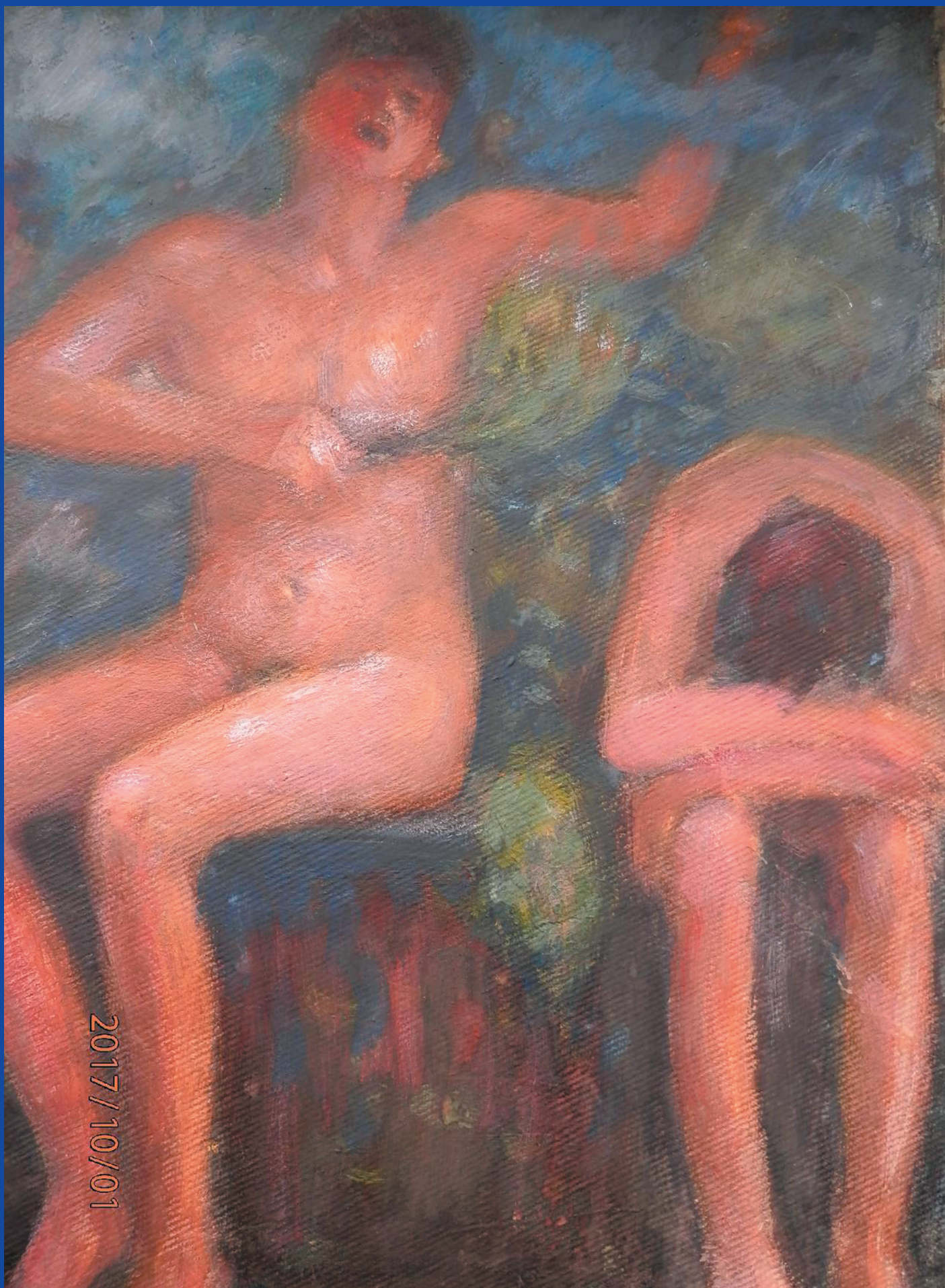
На серых стёклах окон
Зари вечерней локоп
Завьётся золотистой желтизной
И сразу в доме будто,
Прибавится уюта,
Где вечераем мы с вдвоем с женой.
- Смотри, заря какая! –
В полнеба полыхает.
Хороший завтра выдастся денёк. –
И шторку вдруг задвинет,
Из шкафа чашки вынет,
Домашний растопляя огонёк.

СИЗИФОВ ТРУД

«О, Господи!» - воскликну я с утра.
«Когда уж от снегов спасёмся мы?»
И взмахом, с разворотом от бедра,
Воткну лопату в месиво зимы.

Всевысший усмехнется с высоты,
Благословляя мой сизифов труд...
Природные явления просты
И завтра снова наметёт к утру.

Ноябр 2017

Мужская радость. Нижняя Пойма 1965 г. Худ. Пётр Михейчик